

«Король камбуза»

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

его грибным соусом, посыпал шафраном, и мясо приобрело золотистый цвет, оригано завершило подготовительный букет. Дальнейшие манипуляции, похожие на колдовское священнодействие, — и блюдо, украшенное руками шефа, подали к столу.

Раздобудько скинул с себя грязную одежду, принял быстро душ и вышел в зал. Внешнее обаяние шефа вызывало всегда у пассажиров симпатию. Одна пышная блондинка поинтересовалась, из чего готовится "де-воля по-венски".

— Вы бы не могли дать мне рецепт?

На что шеф таинственно с улыбкой ответил:

— Это небольшой секрет нашей фирмы.

Раздобудько вернулся на камбуз, там уже был аврал — мыли посуду и драили палубу с порошком. Все спрашивали, как прошел ужин.

— Не дожидаться, чтобы у нас было плохо, но вы мне смотрите.

Он пригрозил заместителю пальцем. Тот, зная свою вину, наклонил, извиняясь, голову.

Сгурский, видя хорошее расположение шефа, обратился к нему:

— Дмитрий Сергеевич, ну после этого рейса в отпуск отпустите, к любимой теще в Курск надо съездить?

— Я его на повышение рекомендую, в заместителя шефа перевожу, а он к теще собрался уезжать.

— Так одно же не должно мешать другому, один рейсик побуду дома, с женой, дочкой.

— А Людку на кого оставишь корабельную, наверное, тоже на снохас от тебя ходит? Да и тут разберемся, дети наша радость.

— Ну, что же, раз разберешься, пойдешь в отпуск. Сгурский, от радости пританцовывая, удалился, напевая собственное сочиненьце:

*Не в Одессу, в город Курский
По---чил Вася Сгурский.*

— Что, Володя, скажешь, пора и тебе на самостоятельную работу переходить, мастер ты неплохой.

Суда скоро новые придут, вот я и рекомендовал тебя руководству на должность шефа, — он обратился к заместителю.

— Спасибо, Дмитрий Сергеевич, только боязно.

— Со мной ты все прошел, чего тебе бояться? Ты лучше скажи, сколько блюд осталось после ужина?

— Порций пятьдесят.

— А я же тебе приказывал, приготовь на сто больше.

— Да я-то сто и приготовил, но пассажиры просили добавки.

— Выставь все на окне у камбуза, да прикрой, чтобы не остыло, вахтаночная пусть побалуется ресторанной пищей. В общем, как всегда.

— Конечно, Дмитрий Сергеевич, все будет "о'кей".

— Проводите меня, дети, в каюту, я, признаться, сегодня очень устал.

На причале у морвокзала начали съезжаться черные членовозы. Банкет накрывали в красном зале. В четыре стекла и столько же приборов. По такому случаю принесли из запасов самую дорогую посуду, возможно, доставшуюся по репарации вместе с пароходом от третьего рейса. В такие ответственные моменты шеф сам украшал блюда и с камбуза уходил только тогда, когда стол был накрыт, а вкус и красота блюд не вызывали сомнения. Он принимал душ, обильно орошал себя французским "Балафре", надевал шикарную поварскую куртку, купленную специально для него в Марселе, и накрахмаленный кокошник. Господа-товарищи, увидев великолепие стола, как правило, приглашали старого известного кока поблагодарить. Так это было и в этот раз. Прошла официальная часть, прославили вождя и "успехи в труде" и, не помявшись, приступили к трапезе. А гости в большинстве были знаменитые: секре-

тарь обкома Синица, комиссар милиции Гайдамака, зам. министра морского флота, крутые цекашники и для приличия несколько дам. Необходимо отметить, что Гайдамака считал своим долгом до того пообщаться со знакомым ему и авторитетным шефом в каюте, по-дружески, пропустить стаканчик холодной водочки, закусив простым соевым огурцом и кусочком сочной свининки, не пользуясь при этом никакими приборами, просто со смаком — руками. Когда в зал зашел Раздобудько и подошел к банкетному столу, Гайдамака поднялся, за ним Синица, цекашники. Представляете себе зрелище: чиновники стоя, в непривычной для них позе приветствовали старого кока. Растерянный и растроганный Раздобудько не знал как себя вести, он поднял обе свои огромные руки и трепетно сказал: "Не надо, сынки, ешьте на здоровье". Его насильно, с нарушением протокола, усадили за стол. Но он так ни к чему и не притронулся. Отработанная десятилетиями линия поведения старого повара не дала ему права участвовать в трапезе, его святая обязанность была готовить ее. Он был королем стола, и когда большая часть спиртного была выпита, он тихо, не прощаясь, по-английски вышел. Не создавая своим присутствием и уходом никаких неудобств.

Прошло несколько лет, я пришел к директору ресторана "Черное море". Намечался банкет в честь мэра города-побратима нашей Одессы, Марселя. Но какой же банкет французам без лягушек? Доставили из Вилково в термосе, обложенном льдом, лягушек. Но кто же их приготовит? Вспомнили о старом коке Раздобудько. Он на дрожжащих ногах с сопровождением проследовал на кухню. Несколько поварах брезгливо рассматривали рептилий, и никто не решался взять их в руки. Кока усадили на скамеечку, так как он долго не мог стоять. Поварашки заголосили: "Мы не возьмем их в руки, мы боимся!".

— Та шо вы, деточки, це ж так просто.

Он взял лягушку за задние лапы, она как по команде выпрямилась, ловко отсек кривым ножом переднюю часть, виртуозно снял тонкую шкурку и отрезал коготки, бросил на противень. Одной беременной поварешке при виде непривычной разделки лягушек стало плохо, ее удалили с кухни.

— Девочки, не стойте, разогрейте сливочное масло и добавьте растительного, чтобы не горело. Приготовьте панировочные сухари, остальное я сделаю сам.

Он быстро обжарил тушки, украсил блюдо зеленью и передал в зал. Я подошел к нему, когда он закончил работу, — поздороваться.

— Дмитрий Сергеевич, ну как дела, не собираетесь ли в рейс?

— Звал Соболев, видать, отплавался моряк. Для моряка море, как бальзам, и душу лечит, да вот старушка моя совсем плоха. Если я и обделил кого своим вниманием, так это ее, всю жизнь проболтался в море. Без меня она детей вырастила и теперь под конец жизни негоже ее бросать одну.

Через несколько лет старик умер, немного не дожив до своего девяностолетия, успев похоронить свою Марию Алексеевну.

Я неисправимый мечтатель и оптимист, мне кажется, что пройдет время, мой любимый город возродит свой пассажирский флот. И однажды на одесском морском причале пришвартуется современный белый красавец лайнер, который будет гордо нести на своем борту имя изюминки нашего Черноморского морского пароходства: "Дмитрий Раздобудько". Может, к тому времени многих из нас не будет в живых, но так ли это важно, если подобное чудо произойдет?

Евгений НИКОЛАЕНКО.

Татьяна ОРБАТОВА

СВЕЧЕНИЕ БОРЗОСТИ, или ГУНДОВИНА — 11

Родилась я в пятницу, тринадцатого, и зовут меня Гундовина-11. Игрушек у меня нет. Разве что пара-тройка металлических пуговиц и серенький сюрточок в стиле товарища Сталина. Правда, был какой-то пентотал, доставшийся мне от одного монаха по кличке Сопель, который сбежал из психушки и по сей день живет в моем скромном жилище — клетке. Кстати, неплохой человек. Говорит, что я похожа на Гундовину-10. Лыстит, наверно. Но все равно — приятно. Гундовина-10, несмотря на ее неудавшуюся жизнь, всегда останется для меня эталоном стремления к борзости. Она была маленькой, юркой, с цепким взглядом и острыми зубками... пока замуж не вышла. Послебрачные игры превратили малышку в эталон заземленности. И все потому, что муж принуждал ее стирать грани между прошлым и настоящим, а когда увидел, что все грани стерты, воспользовался плодами ее трудов и ринулся в будущее... без нее. Гундовина-10 пыталась протиснуться в его будущий мир без спасательного жилета, но бурные водовороты межличностных отношений отбросили ее на много лет назад, в те грани, которые она однажды переступила. В них она и утонула.

Ее горький опыт привел меня к выводу, что стирать грани между прошлым и настоящим надо самостоятельно, а стремиться в будущее — не обращая внимания на межличностные отношения. Однако применению этой теории на практике помешал Сопель. Он взялся учить меня. Например, как ходить по клетке с высоко поднятой головой. Правда, после трехдневного хождения с задранной вверх носом у меня появилось головокружение и шум в ушах, переходящий в шепот голосов. Но Сопель сказал, что это первый этап превращения меня из несвободного существа в эталон борзости и посоветовал продолжать упражнение. Я продолжала, но после трехнедельной практики в клетке появились соседи. Откуда они взялись — непонятно, так как дверь в клетку я запираю. На вопросы они не отвечали, только бубнили, что им, видите ли, хочется такой же борзости, как у меня... Сразу же после этого Сопель объявил мне, что его миссия закончена, и что он уходит назад в психушку применять свой практически диатонический звукокорд среди своих собратьев.

Я не знала, что делать с соседями по клетке. Они мешали мне стремиться в будущее. Притащили откуда-то два подсвечника и четыре бутылки керосина, чтобы я разработала новый ритуал посвящения неопитов под названием "Све-

чение борзости", одели меня в мой же сюрток "а-ля товарищ Сталин" и принялись подставлять мне свои морды, чтобы я тыкала в них подсвечниками. Я злилась, так как не понимала, почему борзость должна светиться непременно от керосина и зачем тыкать подсвечниками непосредственно в морды. Я вообще не люблю играть в игрушки, а борзость моя светится и без горючесмазочных веществ. Но им этого объяснить не могла. Они урчали от удовольствия, когда я, продолжая существовать по клетке с высоко поднятой головой, топтала их тщедушные тушки и куда ни попадая тыкала подсвечниками. Борзости от этого у них не прибавлялось, зато их глаза светились от удовлетворения и счастья. В такие минуты я не без горечи вспоминала Гундовину-10. Ей тоже мешали стремиться в будущее.

"Жизнь — это путь и пути..." — пыталась я объяснить сей феномен сама себе, но настроение не улучшалось, а будущее с каждым днем становилось все более неопределенным.

И тут вернулся Сопель, который, как оказалось, все это время проверял меня на борзость, и именно для этого подсунил в мое жилище соседей, которые впрочем, были его же собственными материализовавшимися желаниями. Сопель был одет во все натуральное, но на средневековый лад. Настроение его тоже проявлялось по-разному — то в миноре, то в мажоре. Мои соседи по клетке не обращали на него внимания — они ждали только одного — когда я буду им тыкать подсвечниками в морду. Некоторые, правда, уже хотели не только в морду.

Надо отдать должное Сопелю, он, чтобы спасти меня, применил весь свой практически диатонический звукокорд, чтобы этим бесполоквизмом придать черты европейского мышления. Ему удалось, и с этого момента их хорды приобрели трех-четырёх-шестизначный код. Они стали ходить с высоко поднятой головой, не обращая внимания ни на меня, ни на Сопеля. И тут Сопель понял, что промахнулся — все не могут ходить с высоко поднятой головой, иначе будет нарушено равновесие. Наконец-то пригодился кубик этого самого пентотала... Размешав препарат с тоником, Сопель сделал моим соседям по клетке внутривенные инъекции. И вот тут я увидела, какой может быть настоящая борзость. Соседи сначала объединились в народ и, хаотично бегая по клетке, почти затоптали нас с Сопелем. Потом особенно борзые, которые ранее больше всех любили, чтобы им тыкали в морду подсвечниками, разделили народ на партии, после чего каждая

партия, объявив себя самой правдивой, спела свою партию. Разноголосица была такой, что мы с Сопелем на несколько часов полностью забыли о будущем. Они же о будущем не думали вовсе. Просто орали друг другу свои песни, пока не обгорели окончательно и не перешли в рукопашную. Побито было немало соседей.

От вида крови и немереного количества раненых мы с Сопелем вспомнили о будущем и решились на крайние меры — открыли двери клетки, чтобы все это (соседи, объединившиеся в народ, и народ, разделившийся на партии) убралось из нашей ранее тихой обители. Но этот народ был особенным. Проявляя немислимую борзость в исполнении своих партий, он, тем не менее, не желал выходить из клетки. Пришлось ждать окончания действия пентотала с тоником. Минуты тянулись, словно часы, а часы словно вечность, и наконец-то препарат был выведен вместе с продуктами полураспада из их тщедушных телец.

Слава Богу, невероятная борзость всегда забирает много сил, и благодаря этому народ уснул... Когда наутро соседи продали глаза, спросонья забыв про народ, мы уже были наготове — с подсвечниками, которыми сразу же стали тыкать им в морды, и с керосином, которым поливали их обмякшие со сна тушки. Жаль, не было спичек, а то стоило бы применить крайнюю борзость, спалив к чертовой матери клетку вместе со всем ее содержимым. Правда, себя жаль. Сгореть, не дождавшись будущего... Конечно, можно было бы покинуть свое жилище и дать толчок новому Великому Переселению народов, но слишком уж мы с Сопелем привязались к клетке. Столько воспоминаний и эмоций связано с ней! Поэтому о спичках я не помышляю...

А будущее... теперь я мало думаю и о нем. Если в том будущем будет такая борзость, какую я видела недавно, лучше жить настоящим. А значит, нужна самая малость — исполнять желания соседей по клетке, тыкая их подсвечниками в морду, и, напялив сюрток "а-ля товарищ Сталин", посвящать их в мнимый ритуал "Свечение борзости", рассказывая, что их средневековое звучание давно обрело европейскую тональность...

...Есть еще причина, по которой я почти не думаю о будущем: Сопель сказал, что самое главное — не думать о нем, и тогда оно обязательно наступит. Остается надеяться на то, что он прав. Хотя иногда меня все же посещают мысли о счастливом будущем, в котором народ Сопеля, ставший мне уже родным, будет по-настоящему Великим...

Если вас интересует
жизнь Одессы и одесситов,
где бы они ни жили,
если вас интересует
творчество ваших земляков,

смотрите сайт
Всемирного клуба одесситов

www.odessitclub.org